

КУЗЬМА ДМИТРИЕВИЧ АНДРИАНОВ

Былины от К. Д. Андрианова (в томе I он именуется по местному произношению — Андреянов) записаны в 1931 и 1932 гг. Он был в то время членом колхоза и школьным сторожем в д. Конда Сенногубского сельсовета Заонежского района. Было ему 57 лет.

В свое время Андрианов побывал в разных городах: в Петербурге, Петрозаводске, Новгороде. Служил на действительной военной службе и участвовал в войнах японской и первой мировой.

В 1932 г. он имел средний достаток, занимался разными ремеслами: шил и чинил сапоги, портняжил, вязал сети, шил шапки и рукавицы.

В обращении был приветлив, весел, любил побалагурить.

Сам Кузьма Дмитриевич считал себя более сказочником, чем «старинщиком». «Я вот что скажу, — заявил он после записи у него осенью 1931 г. былин о Кострюке и о Гришке–Расстрижке: — те былины, что помнил, сказал, а другие не буду, плохо помню, а оконфузиться передо всеми не хочу, потому знаю — потом с другими, досюльными, сличать будут. Вот сказки хорошо помню, их скажу непременно. Их много знаю». Тем не менее в январе 1932 г. от него удалось записать еще былины о Добрыне и о Чуриле и отрывок былины о Дунае. Записано от него было и несколько сказок: «Лгало и подлыгало», «Догадлива старушка» и «Как из скотины люди бывают». Из своего сказочного репертуара он называл еще «Портупея–прапорщика», «Ивана–царевича», «Старуху и лапоть», «Перевозчика». Кроме того, он знал несколько духовных стихов (про Егория и про Алексея–человека божия), ряд песен — солдатских и свадебных, а также пародии на церковные песнопения, сочиненные монахами Клименецкого и Соловецкого монастырей, где он временно работал. Знал он также и несколько заговоров. Записанные от него сказки обнаруживают явную тенденцию к реалистическому стилю и к сатире. Они направлены на обличение и осмеяние

33

чванных и глупых богачей: богатых попов, помещиков («Лгало и подлыгало»), а также на обличение мошенников полицейских и судей (сказка «Как из скотины люди бывают»). Особенно большой социальной заостренностью отмечена упомянутая сказка «Как из скотины люди бывают», социальный смысл которой раскрывается в заключительных словах старика: «Скотина скотиной и останется, хоть и судья. Был бы от нас, от человека, так не то бы, а то как от скотины, так скотина и будет».

В этих сказках ярко отразилась идеология крестьянина, которому с малолетства пришлось испытать тяжелую нужду, жизнь впроголодь и колотушки в «ученье» у «хозяев».

Под диктовку К. Д. Андрианова Н. Котляровой была записана его автобиография, содержащая яркие штрихи дореволюционного быта.

Отмеченные художественные тенденции сказались и на его былинном знании. И здесь мы видим тяготение к реалистическим образам. Но былины никогда не стояли в центре его интереса и внимания. Научился он им вследствие особой обстановки своего детства.

«Былины узнал я от бабушки своей, Андриановой Степаниды Егоровны; 85 лет она жила, последние восемь лет была слепой. А я сиднем сидел, английская болезнь была. Так мы и сидели, двое калекушек (я ведь до семи лет не ходил), ну вот она мне и рассказывала да пела, а я слушал да подпевал». Впоследствии, в годы «ученья», ему приходилось петь и на людях: «Потом уж, когда молодым человеком был, так запоешь бывало былину старинную какую, всей семьей хозяин слушать приходил. Гостей приглашали меня слушать».

В годы записи Андрианов былины только помнил. Ни для других, ни для себя он их уже не исполнял. Его дети, знавшие сказки и песни, былин не пели. Об Андрианове, как исполнителе былин, вообще в деревне знали мало. Этим, очевидно, и объясняется, что экспедицией ГАХН в 1926 г. от него записей произведено не было. Кроме своей бабушки, в качестве источников былинного знания, он называл Домну Васильевну Сурикову (сказительница, от которой записывал Гильфердинг: «Онежские былины», №№ 138—143), Татьяну Васильевну Ермолину и Дарью Филипповну Дутикову, певших былины на «беседах».

Былины его отличаются краткостью, совершенно лишены характерных украшающих приемов эпического стиля и включают чисто прозаические сказочные обороты речи. Напр.: «Не долго молодцу пришлось в поле ратовать и не долго пришлось ему козаковать, заболела его родитель-матушка», или: «Горит у ево кровь молодецкая, да играет сила богатырская, опять стал класть поклоны родителю-матушке». Несмотря на то, что Андрианов свои былины частично пел, он является типичным для современности былинщиком—«рассказчиком», который лишь сохраняет при помощи дактилических окончаний стихов некоторое подобие былинного ритма, удерживая этим былину от окончательного превращения в прозаический рассказ—сказку. Особенно характерна в этом отношении былина о Добрыне Никитиче.

В соответствии с этим усилены реально-бытовые и психологические моменты. В былине о Добрыне мать советует сыну жениться «на скромной девушке». Отъезд Добрыни мотивируется тем, что «надоело добру молодцу в углу сидеть, любоваться со своей молодой женой». Настасья Микулична на свадебном пиру «сидит она прикручинившись и сидит она пригорюнившись, вспоминает о Добрыне о Никитиче, о своем милome о возлюбленном». В былине о Чуриле неверная жена Ермака Васильевича обращается к мужу с укором: «Где ходил ты шлялся да путался со чужима любимима женамы?». Следует отметить, что элементы социальной сатиры, характерные для олонечкой традиции, Андриановым сохраняются несмотря на все сокращения текста. Так, роль Владимира, интригана и насильника, в былине о Добрыне достаточно выпукла. Развязки былинного действия своеобразны: Чурилу обманутый муж «стащил его да в быстру реченьку». В былине о Добрыне бояре, решив, что Настасья Микулична должна остаться женой Добрыни, «посмеялись да разъехались». Расправа с Алешей исключена.

Самоучкой овладев грамотой, К. Д. Андрианов не только знал былины и сказки из устной традиции, но и читал их в книгах. Происхождение былин он относит ко времени киевского князя Владимира и любит порассказать об исторических основах их. «Во княжестве, во Киевском это, при князе Владимире, много былинщиков да песенников было. От киевского княжества и пошли эти самые былины все. А ведь многое, что в былинах написано, верно было. Уж так, зря, вряд ли бы врать стали. Верно, и Илья Муромец удалый был, и Добрыня Никитьевич, и Алеша Попович. Да, вот богатыри так богатыри были!».

ДОБРЫНЮШКА НИКИТИЧ

- Что не белая берёза к земли клонитце,
Приклоняетца Добрынюшка Микитен сын
Ко своей ли ко родители ко матушке,
Ко чесной вдове Афимьи Александровие:
- 5 «Ой ты гой еси, родитель моя матушка,
Ты чесна вдова Афимья Александровна!
Ты пусти-ка меня молодца поратовать,
Во зелёный луг да показаковать,
Поискать себе поперщика,
10 Научитьца защищать стольно-Киев-град».
Оседлал Добрынюшка добра коня.
Надел на ево сидёлышко черкасское,
И надел на ево уздечку набранную,
Уселся на коня и был таков,
- 15 Только ископоть летит в чистом поле
От ево от копыт от лошадинаех.
Не долго молодцу пришлось в поле ратовать,
И не долго пришлось ему козаковать,
Заболела ево родитель матушка,
- 20 Стала́ приказывать она свово сына милово:
«Поезжай-ка ты, Добрынюшка Никитич сын,
Поезжай-ка ты ко родитель ко матушке,
Да время тебе молодцу жениться». —
«А на ком я буду, матушка, жениться?».
- 25 «Ты женись-ка на Настасьи на Микуличной,
На той на скромной на девушке».
И пошли они к князю Владимиру
Просить прощенья-разрешения
На пир на весёлую свадебку.
- 30 Вот и дал разрешение стольний князь:
Пусть женится Добрынюшка Никитин сын
На той на Настасьи на Микуличне.
Надоело добру молодцу в углу сидеть,
Любоватьца со своей молодой женой,

- 35 Горит у ево кров молодецкая,
Да играет сила богатырская.
Опять стал класть поклоны родителю–матушке
Да сказывать всё молодой жены:
«Ты прости меня, родитель–матушка,
- 40 Да пусти меня в поле поратовать,
Во зелёный луг показывать».
Стал наказывать он молодой жены,
Молодой жены Настасьи Микуличне:
«Ты прости меня, молода жена,
- 45 Я уеду на долгое времечко,
Не на год, не на два, а на много лет
Защищать стольно–Киев–град.
Ты не жди меня прежде шести лет,
А потом не жди еще пять лет,
- 50 А потом не жди еще три года,
А на тринадцатый год и домой приду».
Тут заплакала Настасья Микулична:
«Как теперя я остануся —
Не девица, не вдова и не мужня жена».
- 55 В это время у князя Владимира
Служил млад богатырь Алёша Попович сын.
Пора настала молодцу жениться,
Пора ему стало ехать свататьца,
А на ком это жениться — он не знает сам.
- 60 Пондравилась ему Настасья Микулична,
Стал просить он князя Владимира,

37

- Чтоб разрешил взять Настасью Микуличну.
А любил же его Владимир–князь
И сказал Алёше, что это будет так:
- 65 «Коли так нейдёт, то мы силóm возьмём,
Будет она у тебя жить да веселиться
И не будет вспоминать Добрыню Никитича,
А Добрыни Никитича уже жива нет».
И началось у них тут пиروваньице
- 70 В теремах у князя у Владимира,

Все пьют да едят да веселятца всё,
Одна только Настасья Микулична
Сидит она прикручинившись,
И сидит она да пригорюнившись,
75 Вспоминает о Добрыне о Никитиче,
О своем о милом о возлюбленном.
Во время пира весёлого
Приезжает ко двору скоморошена.
Скоморошена был этот с гуслами,
80 С яровчатома гуслами веселома,
И проситца у слуг на почесный пер,
На почесный пир на пированьице,
На свадьбу Алёши Поповича
И молодой ево жены Настасьи Микуличны.
85 Долóжили князю Владимиру
О приходе гусляра веселого.
— «Ну да и пусть посидит он за печкою,
Поиграет он, а мы послушаем».
Играет гусляр да всё с напевами,
90 Припеваает к Настасьи Микуличне.
Услышила Настасья Микулична
Голос любимово свово Добрынюшки Никитича
И говорит она тихиим голосом:
«Нельзя ли будет мне гусляра попотчивать
95 Чарою зеленá вина?».
Князь Владимир даёт разрешение
Угостить гусляра весёлого.
Тут сошел с печи Добрынюшка Никитен сын

И пьёт от молодой бокал зелёного,
100 Запивает другой мёду сладкого,
Потом просит у князя разрешения
Попотчивать молодую жену Алёши Поповича
Чарою хмельного,
А сам спустил на дно золотó кольцо,
105 Золотó кольцо обручальное,
Которым обручались с Настасьей Микуличной.

- Выпила Настасья Микулична
До дна чару горького,
Увидала на дне своё кольцо,
110 И радостью она возрадовалась,
Глядя на Добрыню Микитивича:
«Ох ты гой еси, мой дорогой супруг,
Дорогой супруг, Добрыня Никитич сын!
Ты прости меня бабу неумную,
115 Неумную бабу, неразумную,
Что покинула тебя добра молодца,
Не выдержала твоего слова заветново».
— «Прощаю тебе за бабий ум,
Дивлюсь только на князя Владимира,
120 Что у чужого мужа жену сватает».
Изумился тут Владимир-князь,
Глядя на сцену великую,
Зашумели тут все князья-бóеры,
Зашумели могучие богатыри:
125 «Это что за пир, когда два мужа
У той у Настасьи Микуличне?».
Что судили-решили, придумали,
Что Настасья-то есть Микулична
Молода жена Добрыни Никитича
130 И должно быть, как и бог велел,
Что принят закон во божьней церкви
С тем с Добрыней с Никитичем.
Посмеялись все бояре да разъехались
С того со пира великого,
135 И не хвалили они князя Владимира

39

За такие поступки неважные.
А богатырь Добрыня Микитич сын
Взял тут свою молодую жену
И поехал ко своей родитель-матушке.

40

ЧУРИЛУШКА ПЛЕНКОВИЧ

- Кто, кто у сенцей колотитца?
 А колотитца Чурилушка Плёнкович,
 Плёнкович Шеголёнкович.
 Выходила Катерина Николаевна
- 5 В одной тонкой сорочичке в поясе,
 В тонких белых чулочках с чёботами.
 У ней женские волосы приубранные,
 Приубранные да призачёсанные:
 «Что же ты, Чурилушка, вчерась не бывал?»
- 10 Медовые пítыица не питы стоят,
 А сахарние яства да не ёдинья».
 Проведала девушка чернавушка
 О злом о госте Чурилушке о Плёнковиче.
 «Я скажу Ермаку сударь Васильевичу!».
- 15 — «А как не скажешь ты, девка, — сарафан куплю,
 Да не скажешь ты, девка, — бошмачки куплю,
 А если скажешь ты, девка, — тебе голову срублю».
 Кто, кто у сенцей колотитца?
 А колотитца Ермак сударь Васильевич.
- 20 Выходила Катерина Николаевна
 В одной тоненькой сорочичке бнз пояса́,
 В тонких белых чулочках бёз чеботов́,
 У ней женские волосы неубранные,
 Неубранные да порастрёпаннные:
- 25 «Где же ты, Ермак сударь Васильевич,
 Где ходил ты шлялся да путался,
 С чужима любимима жонамы?».
 Проведал Ермак сударь Васильевич
- 30 Об том об Чуриле об Плёнковиче,
 Что Чурила–то Плёнкович на до́му
 у него есть.
 Рассказала ему девушка чернавушка,
 Разыскал он Чурилу Пленковича,
 Да сохватил его за желты кудри,

Да стащил его да в быстру реченьку.
35 Тем и кончилась у них вся любов.

ДУНАЙ ИВАНОВИЧ

- Как во стольном было городе во Киеве,
У ласково князя у Владимира,
Почёсный был пир–пированьице.
Уж как все–то на пиру пьяны–веселы,
5 Уж как все–то на веселье поросхвастались.
Один–то из них хвастал боярами,
А другой из них кресьянами,
А умной–то хвастал отцом–матушкой,
А безумной–то хвастал молодой женой.
10 Олёша–то Попович своей смелосью,
А Дунаюшка Иванович тот силой богатырскою.
Тут ведь он просил князя Владимира
На заморской царевне свататьца,
На Настасье королевичне.

(Забыл, какого царства–то),

Ну а сам Владимир на Апраксии королевичне сватался, ну и как будто они пировали вместе с князем Владимиром. «Ну уж как оны не дают, так мы силою возьмём», — повыше себя–то заехали. Против их пошли еще войной.

Потом оны усмирились и сосватали за князя Владимира и за Дуная Ивановича.

(Дальше не помню, что еще было, как у них тут).

БЫЛИНА О КОСТРЮКЕ ЦЕРКАШЕНИНЕ

- Кострюк Церкашенин
Он тридцать лет воевал,
Пятьдесят борцов поборол,
Не мог силы отведати
5 Он плеча богатырского.
Вот царица крымская,
Она дочь царя турецкого,
Выходила на красно крылечичко
Да кричала во всю голову:
10 «У вас есь ли борцов да удалых молодцов
С Кострюком поборотися,
Ево силы отведати?».
Тут возвались два воина:
Михайла Иванович
15 Да Василий Степанович.
Богатыри вдруг схватилися
И с победой очутились.
Кострюк Церкашенин
Взял Михайлу он за бороду.
20 Тут Михаила расходитце,
Да Михаила рассердится.
Схватил Кострюка да Церкашенина,
Схватил ево за волосы.
Через яства сахарныя,
25 Через питья медовыя,
Кострюк через стол скочил,
Кострюк глаза вытаращил.
Тут греху сочинилося —
За скамью зацапилося
30 И скамью он к порогу сволок,
Тут тридцать татар задавил,
Пятьдесят голов покатыл.
Тут схватили Кострюка да Церкашенина
И руки яму выламали,

35 И ноги яму выламали,
Да глаза яму повыкололи,
Да и с платьев ево вытряхнули.
Оказался Кострюк Церкашенин,
Оказался он девушкой.

(Ну верно и всё, уж оказался девушкой, так и конец.)

**ГРИШКА-РАССТРИЖКА
ИЛИ СМУТНОЕ МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ.**

Заместо царевича Дмитрия
Приехал в Москву самозванный царь,
Самозванный царь Гришка Отрепьевич,
Расстриженец монах стольно-киевский.

- 5 Назвался собака прямым царём,
Прямым царём, царём Митрием,
Царём Митрием да Московским.
Не успел вор-собака воцариться,
Как захотел вор-собака жениться
- 10 У Юрья панá Сердобольского
На самой на меньшей на дочери,
На душе на Марине на Юрьевне.
Пир-свадьбу играли в Филиппов пост,
А венец принимали в Николин день.
- 15 Дотянулось это дело до велика дни,
До велика дня до христова дня.
У того у Ивана Великово
Ударили в бóльшой во колокол,
Все князья да бояре во церьков пошли
- 20 Ко той ко христовской заутреной,
Вор Гришка-расстрижка во мыльну пошол
Со душой со Мариной со Юрьевной,
На Гришке кафтан восемьсот рублей,
На Марины кунья шуба в целу тысячу.

43

- Настасья Степановна Богданова
- 25 Все князья да бояры богу молятца,
А вор Гришка-расстрижка в мыльне моетца.
Все князья да бояре от обедни идут,
От той от христовской заутреной,
А вор Гришка-расстрижка из мыльной идёт
- 30 Со душой со Мариной да Юрьевной.
Рассердились бояре московския
На тово на царя на фальшивого,

Говорят бояре один с другим:

«Не Дмитрий это есть, а болтун какой,

35 Скорее, что Гришка Отрепьевич.

Дмитрий убит был во Угличе,

Ево мощи схоронены под божью церкву».

А Гришку убили в храброй Литвы

У тово у панá Сердобольсково,

40 А поганое мясо собакам бросили.